

Леонард И. Браев

Заря любви

Леонард И. Браев

Заря любви над провалом

УДК 82.3
ББК 84(2 Рос-Рус)6-4
Б 69 + 58

© *Леонард И. Браев.*

Б 69 + 58 **Заря любви над провалом.** Роман.
Изд. “Л. И. Браев”, 2013. – 667 с.

В чем тайна любви?

Вот обыкновенная история волшебницы - любви, – от её цветения и чар и до разочарований и странных изломов, её счастья и печали.

УДК 82.3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Nec sine te quidquam dies in luminis oras.
Exoritur, neque fit laetum, neque amabile quiquam*.
Lukretius Carus

© Ибраев Леонард Иванович

* И ничто без тебя на божественный свет не родится.
Радости нет без тебя никакой и прелести в мире.

Лукреций.

Новые глаза

Нет, этого странно волнующего её парня, студента-третьекурсника Зоя никогда не смогла бы рассматривать вот так открыто и даже в упор. Но тут ей представился на редкость удобный случай – выставка обуви на витрине, и в её блестящем тёмном стекле он отражался, как в зеркале.

Уже три года, как она его заприметила. Долговязый нескладен вечно ходил в старых брюках и в мешковатом пиджаке. Она слышала его имя – Дмитрий. Даже знала от Ксени некоторые его интимные тайны. По вечерам её без конца томила память встречи с ним прошлым летом – у автомата с газировкой. Как он тогда привлёк её своей возмужалостью: пушок наметившихся усов и бородки, бронзовые бугры мышц над тугой белой майкой, – и какая-то неодолимая дурманная притяга и загадочность.

И сейчас она была сражена: “Ба, да его просто не узнать, – неслось в голове. – Как загорел. Ясно, что не в наших краях, а где-то на юге. Точно шоколадный. И одет совсем по-новому. Где он достал эти джинсы? Явно фирменные, американские. И курточка ничего себе, классная, тоже импорт”.

Как женщина, сама она была врождённой щеголихой, но щегольство в мужчине оставляло её равнодушной, как после дивного Жоры её не трогали и пышные речи. За ними ей слышался расчётливый обольститель, а не искренний воздыхатель. В одежде мужчин ей было достаточно опрятности, а в речи – приличной пылкости, пусть сбивчивой. Сбивчивость ещё надёжней.

Но теперь наряд парня уже не закрывал своим уродством его статной фигуры – и она невольно залюбовалась им. Какой мощный и шикарный молодой человек! Лёгкая походка, крутой подбородок, полные твёрдые губы, хмурые брови. А глаза – милые и вдумчивые. Да ещё этот его непонятный “любовный опыт”. Парень Зою тревожил неотвязно.

В уличной толчее рассеянно проходя мимо, Дмитрий вдруг заметил её. Она почувствовала, как он словно вздрогнул и в изумлении вперил в неё глаза, восторженно рассматривая её, – и она замерла под его горящим раздевающим взглядом, ужасаясь,

как он тяжело скользнул вниз по всей её фигуре.

Её охватили смущение и даже страх, но одновременно его жуткая страсть зажигала её веселой радостью и сладким огнем, и она кокетливо изогнула спину, давно зная, что это её гибкое движение чрезвычайно привлекает мужчин. Ой, как же он ей нравился – и поэтому она делала вид, что не видит его.

Он тоже узнал её. Это ею он впервые любовался... – давно, в ту свою последнюю школьную весну. На бульваре перед первой майской грозой. Прелесть-девочка, хрупкая, как птичка, она щебетала на скамейке со своей белокурой подругой. Зоинька – Зоренька! Это она прошлым летом стояла совсем рядом с ним, цедя гранёный стакан шипучей газировки, озаренная знойным закатом, – и как близко трепетала её грудь, душистая и жаркая.

Но, боже, как она с тех пор расцвела! Теперь она совсем девица. Восхищенный, он остолбенел. Но тотчас застеснялся перед прохожими и, чтобы скрыть впечатление, принял равнодушный вид и стал будто рассеянно смотреть по сторонам, однако не в силах был удержаться от метания в неё быстрых взглядов.

А потом..., – Дмитрию вдруг резко вспомнилась та сразившая его черная сцена. Ведь всего-то два месяца назад, в самом начале ослепительного июля, на выходе из университета она порхала впереди него, а рядом, галантно изогнувшись к ней, её вёл под руку какой-то самодовольный хлыщ.

Дмитрий с Лёвой тогда как раз торопились на вокзал, только что получив в университетской бухгалтерии денежный аванс на проезд до Москвы, где их ждал специальный состав. Под стук колёс в тряском вагоне он без конца терзался этой увиденной страшной картиной – и мысленно горько прощался навсегда с милой девочкой. Прощай, прощай, мечта всей моей юности.

Но ведь сейчас-то она *одна*? И, похоже, кокетничает с ним. Почему? А как же тот июльский кавалер? Случайность? Кто он? Что у неё с ним? Дмитрия охватила дрожь новой надежды и тревоги. Неужели не все потеряно? Он разрывался в неизвестности.

Теперь упорные взгляды молодого человека, казалось, настойчиво задавали Зое какой-то судьбоносный вопрос, ожидая от неё ответа, определённого и решительного.

Ей казалось, она знает его вопрос: нравлюсь ли я тебе? – и пока не хотела на него отвечать: нет, рано ещё, пусть поволнует-

ся, побеждает за ней. И она продолжала делать вид, будто с превеликой озабоченностью рассматривает за витриной туфли, и ни единым движением не отвечала ему и даже не поворачивала в его сторону головы, но её красивое изгибание делалось еще соблазнительней, – просто убийственно.

Наконец, выбранная тактика завлекательной позы под напускным равнодушием стала ощущаться ею досадно недостаточной – и она решила вызвать в молодом человеке боязнь потерять её, так и не получив ответа, и тем толкнуть к её преследованию и стала решительно удаляться, однако временами будто невзначай коротко оборачивалась, – и торжествовала: парень бросился за ней вдогонку. “Ага, попался, миленький!” – пела её душа.

Дмитрий летел следом. Зачем? Он сам не знал. Точно против воли, точно околдованный. Однако не смел и приблизиться к ней. Он боялся её, такой дивной красавицы, убежденный, что её осаждают толпы великолепных поклонников вроде того хлыща, и такая! не-ет, такая, скорей всего, не для него, сирого.

Она знала, что он неотступно идёт за ней. Временами она слышала за спиной его шаги совсем близко, и, обмирая, ждала со страхом и надеждой: вот сейчас он догонит её и заговорит с ней или даже возьмёт за руку, – и недоумевала и досадовала, почему он ещё не делает этого. И ругала его за нерешительность. Впрочем, она досадовала и на себя. Вот так-то чересчур наряжаться. Только отпугивать милых скромняг.

Господи, как же быть? Чтобы помочь ему, нет, чтобы даже *заставить* его догнать себя, она замедлила шаги, а потом и вовсе остановилась, будто что-то вспоминая, и смотрела в никуда, в пространство, а на самом деле исподтишка, с внешне невнимательной пристальностью наблюдала за ним.

Но бедняга, не ожидая от неё такого маневра, растерялся и прошел мимо неё дальше, сделав рассеянно безразличное лицо: я, мол, иду так, сам по себе, – и расстроив её чуть не до слёз, а потом тоже остановился, но теперь он хотя бы глядит на неё, насупив тёмные брови, с дерзким вызовом. Или даже с гневом?

В Диме горело неодолимое желание приблизиться к девушке и уж совершенное безумство – заговорить, прикоснуться или даже обнять; однако ещё бóльшая боязнь тем нарваться на её возмущение и так навсегда потерять, – боязнь останавливала

его. Как узнать, нравишься ты ей или нет? Он искал в ней хоть какой-то намёк на благосклонность. Или на то, что его, по крайней мере, не отвергнут, – какое-то поощрение. Так что, на самом деле, инициатива была на её, на девичьей стороне.

От смятения его трясло. Что если самому создать условия для её ответа? Ну, спросить что-то нейтральное? Например, где такая-то улица. Или, наоборот, оказать ей какую-то услугу? Может быть, спасти её от опасности? Но таковой как-то не предвиделось. Или поднять оброненный ею платок, как встарь делали кавалеры? Но изобретать эти уловки как будто уже поздно.

Вдруг кокетка капризно передёрнула плечами и прямо в упор глянула на него. Её глаза брызнули на него из дрожащих ресниц такой синевой, такой любящей, согласной, ласковой глубиной, как будто лукаво призывали его к себе: “Ну же, подходи”; блеснули и тут же опять потупились; и опять поднялись на него и казались такими огромными – как озёра. И он, заворожённый, не мог вырвать свой взгляд из их голубой глубины. В ней весело блестел смех, задорный смех: “Что, красивая? Вот видишь, какая я красивая. То-то. Смотри, смотри. Так тебя. Ой, какой же ты смешной. Уставился, точно обалделый”.

Её распирало ликующее веселье и в то же время захватывала ласковая боязнь задеть парня – и она сдерживала смех в себе. Но глаза её выдавали. Она представила его и себя со стороны: смотрят друг на друга – и молчат, и её взгляд зазвенел еще веселее.

Этот её счастливый победный смех обжёг его гордость. Его глаза словно очнулись от её чар – в недоумении: “Ты чего?” Кровь ударила ему в голову, парень помрачнел и повернулся уходить, испугав её. Смех вмиг слетел с её лица; она ругала себя за опрометчивое зазнайство. Но не бежать же ей, девушке, за парнем? В растерянности она не находила, что ей делать.

Но и он тоже был не в силах вот так уйти и только отступил подальше и, чуть остывая от оскорблённости, по-прежнему не сводил с неё глаз.

Оба теперь, внутри замирая, долго и упорно смотрели друг другу прямо в глаза – между ними кипел безмолвный разговор, – не словами, а взглядами, – быстрый и честный. И оба прочитали в глазах друг друга правду – всё безумное брение в них взаимного восхищения, призыва, гордости и боязни. И, о, если бы

Дмитрий привык доверять своему чувству – интуиции. Какие ещё нужны ему признания от девушки? Однако как всегда в важных обстоятельствах он искал в её поведении *несомненное* – факты! Да, факты для разума. Но несомненного-то не находил.

А Зоя уже постигла правду и о его горении, и о его слепоте. Впрочем, не всю. Девушка упрощала его мотивы, сводя их всего лишь к юношеской робости. Но она не догадывалась, что он видел её с роковым Жорой. И теперь боится, что она любит *другого*, обожжён обидой и терзается горечью ревности.

Чем помочь слепцу? – думала она. – Невероятно. Казалось бы, когда говорят глаза, какие нужны ещё объяснения? Но он-то своим глазам явно не верит. Как же дать знать истину его разуму? Господи, и что ему ещё надо? Она же не кричит на него. Как верещат действительно возмущенные девушки, пронзительно на всю улицу, и не дерётся с ним изо всех сил. Ну, а всё остальное: и умоляющие возмущения, и отталкивания, и даже классическая пощечина, – всё это и есть женские поощрения. Пусть прикрытые. На всякий случай. Мало ли что дальше будет. Ведь и она в этой правде, видимой им в её глазах, признаться словами-то тоже страшится и не в силах заставить себя отказаться от играемого ими притворного спектакля.

Но всё это милый молодой человек уразумет, видно, не скоро. Эх, мужики толстокожие! А тем более зелёные парни. Как они глупы, не понимают язык тела, робеют, а то и обижаются и уходят. Вот где досада-то. Как с ними трудно.

Она повернулась и намеренно неторопливо и, даже красуясь походкой, зашагала дальше.

Но этот чурбан просто тащится за ней следом, правда, теперь в отдалении и зачем-то то и дело перебегая на другую сторону улицы. А-а, должно быть, для “конспирации”.

Наконец, она догадалась, что парень хочет узнать, где она живёт, и одобрила его хитрость, но для поддержания своего достоинства сделала вид, будто не замечает преследователя...

Но и завтра Зоя досадовала: парень снова только ходил за ней следом, как привязанный. Конечно, это её волновало, пугало и радовало. Дмитрий всюду волочился за ней, то обгоняя, то идя сзади, и не спуская с неё глаз. Она остановится – и он встанет, она присядет – и он тоже. Однажды в толпе он будто нечаянно,

но в душе отчаянно замирая, осмелился даже коснуться её.

ТЬфу, ты, – удивлялась она, – этот волокита робок хуже девицы. Вот несчастье-то. И что мне делать? Как бедняге помочь? – жалела она себя и его.

Когда в первый раз Зоя увидела его идущим ей навстречу, она обмерла в тревожной растерянности, не зная, что сейчас ждать от него и что ей делать. Однако она в молящей надежде все же ждала, что сейчас-то он, наконец, заговорит.

Однако устремлённый на неё его взгляд был такой измученно страдальческий, что она невольно отвела глаза в сторону и потупилась – и он, растерянный от этого невнимания, ничего не промолвив, прошел мимо, хотя так близко, что едва не задел её. Мир для неё рухнул. Ошеломленная, она ступала дальше как в столбняке, чуть спотыкаясь и медленно приходя в себя. Сердце резала боль, глаза – слезы. Боже! И какая же она несчастная!

Теперь она уже не удивилась, когда он стал часто встречаться ей на пути из университета или из дома, поняв, что он намеренно выбирает маршрут и время и, конечно, знала почему и каждый раз смущённо замирала, видя устремлённые на неё его обожающие и тяжело ласковые глаза. Жуткие глаза.

Она давно уже научилась сразу видеть, когда мужчина смотрит на неё с волнением, а потом вблизи боится даже прикоснуться, так осторожен. А дотронется – застыдится, не знает, что сказать, спотыкается на каждой фразе, растерянно вздыхает и с мольбой смотрит на тебя. Неуклюже топчется, весь в рвении деликатности. Ах, как это сладко! И смешно.

Робость и обожание поклонника всегда были ей удивительны, странны и невероятны, потому что сама-то она не знала в себе ничего загадочного, достойного такого трепета, и ей было трудно понять и поверить в это безумство. Но оно ей льстило, приятно щекотало и одновременно смешило. Было и смешно, и жалко, когда в большом сильном мужчине ей вдруг открывался робкий маленький мальчик.

Но волнение обожателя невольно передавалось и ей – и она тоже загоралась и тоже робела.

Однако какой бы робкой ни была женщина, но сознание своего обаяния, пусть непонятного ей самой, даёт ей чувство власти

и независимости – и Зоя держалась гораздо свободнее Димы, и, наконец, стала привыкать к нему, уже не так робеть, а его робость стала её даже забавлять, и девушка начинала баловаться – играть с парнем, как кошка с мышкой, шалить, поддразнивать и смеяться над ним. При встрече она упорно ловила его взгляд, чтобы смутить его. В её глазах поминутно менялись то лукавство, то серьёзность, то призыв, то невинность. Её одолевало кокетство и душил смех. Она вертелась и смеялась, то игривыми взглядами в его сторону опутывая надеждами, то преувеличенной приветливостью с другими парнями, даже малознакомыми, растравляла его ревностью.

Дмитрий и сам видел всю нелепость своего поведения, но будто какое-то безумие обуяло его – и он ничего не мог с собой поделаться: ни освободиться от чар её обожания, ни одолеть свою трепетную робость перед ней, = страх своей неосторожностью потерять навеки её, то есть потерять саму свою жизнь.

Каждый день с утра он отчаянно принимал самое твёрдое решение и клялся себе: Да, сегодня-то он заговорит с нею!

Но на улице чем ближе она подходила, тем мучительнее становилось его напряжение, горло пересыхало и сжималось. Все вперёд заготовленные слова напрочь куда-то улетали из головы. Он украдкой быстро оглядывал улицу: там, похоже, никого знакомых, – и, чтобы успокоить нервы, старался думать о другом и шёл всё медленнее. Сердце колотилось так, что стучало в висках. И вот она рядом, вот проходит мимо, но он, о, проклятье! не в силах ни вымолвить, ни хотя бы вспомнить ни слова. А недолгий миг встречи уже улетел, она уже за его спиной. Ну, не окликать же ему её, не бежать же за ней назад? Ах, как глупо!

Но чем дальше, тем больше Димино неуклюжее и сумасшедшее упорство ухаживаний стало пугать Зою, но в то же время было ей тепло и приятно – и с удивлением она уличала себя в том, что, обманывая себя, стала еще тщательней наряжаться и почаше выходить на улицу и попадаться ему на глаза.

И, наконец, он всё же обратился к ней:

– До свидания, красавица, – пробормотал он каким-то невероятным голосом, хриплым – пересохшим, очевидно, заранее приготовленную фразу.

Она просияла и улыбнулась ему.

И шла дальше окрылённая: “Наконец-то!” Дома она даже плакала от радости и с надеждой ждала следующей встречи.

Но и на следующей встрече он почему-то по-прежнему боялся её. Может быть, опять принял её улыбку за насмешку? Она мысленно ругала его за то, что он её не остановит и не заговорит. Если ты хочешь, чтобы я догадалась о твоей любви, так я давно догадалась; но неужели ты надеешься, что я первая заговорю? Ах, я бы рада, да боюсь, это выше моих сил.

Но, может быть, он не догадался, что я догадалась? Мужики ведь в сердечных делах так тупы.

И она, пересиливая себя и смущаясь, решила дарить ему ответные прямые и упорные взгляды, – “влюбить”.

И что с того? Сегодня он, как и вчера, опять поклялся непременно заговорить с нею и приближался, преисполняясь напряженной решимости, – и вдруг увидел на её лице – что? – улыбку, предназначенную явно ему. Да, именно ему!

Сегодня она и смотрела-то не как обычно – мимо него, куда-то вперёд. (Он не мог и представить, что на самом деле девушка всегда смотрела как раз на него). Нет, сегодня она открыто смотрит прямо на него и в её глазах и на губах играет приветливая весёлая улыбка. Он опешил. Это было совершенно неожиданно и непонятно! Что, она смеётся над ним? В растерянности он опять прошел мимо. Эх, проклятьё! Удобный миг опять потерял! Ну, завтра он точно заговорит...

И всё же почему она улыбается? Неужели смеётся надо мной? Видит мою робость? Нет, этого не может быть. Её огромные глаза – очи так бездонно нежны и добры.

Так чудак от её улыбающихся взглядов оробел ещё пуще и по-прежнему молчал.

Но скоро Дима поверг Зою в совершенное отчаяние, когда стал топтаться на их переулке прямо против её окон. Этого еще только не хватало! Она стала бояться, как бы не догадалась мама. Да и соседи. Ещё засмеют... И с тревогой выглядывала в окно. И мама, наконец, спросила:

– И что это за гоголь такой без конца прохаживается по нашему переулку? Раньше я его что-то не замечала. Не к тебе ли? – и вопросительно оглянулась на дочь.

Та, боясь выдать себя голосом, промолчала, но жарко покраснела, радуясь, что в вечерних сумерках маме это не видно.

И про себя думала: “Опозорит ведь так. Вот чудак. Догадался бы лучше гулять возле реки по лугу за огородами. Там в эту осеннюю пору никого не бывает. А я бы туда вышла – и мы бы встретились, – да, как будто нечаянно. И никто бы нам там не мешал”, – мечтала она.

Однажды она все-таки отважилась – выскочила за калитку, не собираясь вроде бы никуда. Но его, как назло, уже не было – и она в расстройстве, но и в облегчении вернулась ни с чем.

* * *

Любовная неизвестность томила и терзала их обоих.

Оба потеряли покой. Сердце ныло. Грудь давили беспринципные тяжкие вздохи неизвестно о чём, похожие на стоны.

Днём всё валилось из рук. Работа не клеилась. Учёба шла вяло, потихоньку.

“Учу – учу, а проку чуть”, – расстраивалась всегда старательная девушка.

И там не то, и здесь не то. Жизнь сера и скучна.

И с подругами о серьёзном чувстве не поделишься.

Это позапрошлым летом у девятиклассниц, когда робкое обожание мужчин было им так ново и переживалось ими так необыкновенно остро, что они все в пронзительном веселье хвастливо шептались друг с другом о нелепом поведении их поклонников. Но теперь-то Зоя знала об опасности подруг и не очень-то откровенничала.

Но Алке она не утерпела, всё же рассказала – о преследовании её Дмитрием. Рассказ был и ликующий, и измученный. Та, загоревшись любопытством, конечно, выпрашивала подробности, но Зоя отвечала неохотно и скупое, из чего Алла заключила, что любовь у подруги серьёзная, – о чём ей и доложила.

А, услышав её жалобу, как ужасно долго дело у них не движется дальше обмена взглядами, решила ободрить её:

– Ну, твой принц – ещё храбрец. А я слышала, что такая любовная переглядка бывает без конца тянется. По полгода не соберётся с духом. Только глядит, но молчит. Думаешь, ему так

легко признаться? Мужика на такой подвиг не просто раскошегарить. Это жорики щедры на комплименты. Но как им верить? – напомнила она ей о её недавней катастрофе...

– Спасибочко, дорогая. Утешила, называется, – ответила Зоя и ушла ещё более расстроенная и испуганная.

Она с грустью вспоминала милую пору своей юности, наивную, восторженную и счастливую. Тогда они, юные девы, начинали воображать, что и красота-то им дана просто для развлечения – похихикать над тем, как мужики от неё дуреют. Тогда они ещё не предвидели, что эта дурь заразительна и скоро одолеет их самих тоже.

Словом, мужская обожающая робость не была Зое в новинку. Но её собственное томительное и испуганное безумие стало ей новостью.

* * *

В звящей тишине ночи, изнывая от тоски и распалённая дерзкими мечтами любви, она лежала без сна в жаркой постели, глядя в тёмное окно.

Вот и бледная луна затянулась мглой. Уже за полночь.

Томясь долгими бессонными часами, Зоя в сладости и в сожалениях тонула в своём прошлом. В памяти безмолвно проплывали его эпизоды: и детство, и школьные влюблённости, и чарующий Жора, и всё её нынешнее бурное лето, – и она с удивлением узнавала в своей только начавшейся, такой молодой жизни естественный путь к своему сегодняшнему страданию.

Как всё-таки это удивительно: наша теперешняя жизнь сплетается из стечения множества событий прошлого. Не оттого ли, человек, чьё прошлое неизвестно, бывает нам непонятен?

И особенно тревожно вещим ей казалось её самое-самое первое в жизни памятное впечатление, – то, до которого для неё как будто не было ничего...

* * *

Часть I. Зоины удивления

1.1. Предвестие судьбы

По оконным стёклам хлестали и струились потоки воды, а за ними стоял ровный мощный гул сплошной водяной стены ливня. Изредка ослепительно вспыхивали бело-синие пляшущие сполохи, резко вырисовывая на миг из окружающей непроглядной тьмы комнату и встревоженные лица, – и вверху над ними раздавался страшный грохот, от которого содрогались крыша и стены всего дома, а она испуганно жалась к мягкому боку мамы.

Потом сразу стало тише и светлее – и она, пыхтя от усилий, торопилась скорее открыть высокую дверь в мир. В комнату ворвался посвежевший воздух, запах мокрой крапивы и земли.

Зыбкий край сизо-чёрной тучи ещё клубился над головой, уползая за дом; там в её чёрной глубине трепетно сверкали быстрые вспышки – и оттуда доносились глухие громохания, точно отступающие злые угрозы, и туда жутко было смотреть.

Но впереди слепили золотистые лучи солнца и сияла яркая чистая синева неба, куда тянулся их дворовый клён, и с его темно-зелёной листвы в лужицы в траве шлёпались тяжёлые капли, а за ним вдали на фоне тучи дрожала прозрачная розово-фиолетовая дуга. Возле сарая по мокрой земле за важно квохчущей рябой курицей с писком катились ярко-желтыми шариками цыплята, такие крохотные и смешные, что ей не терпелось скорее потрогать их руками, – и она, визжа от восторга, сползла к ним с высоких ступеней крыльца задом наперёд на животе.

Внезапно на неё с яростным клёкотом налетело что-то огромное, черно-красное, сверкая острыми злыми глазками и клацая между ними страшным кривым клювом, – и она в ужасе и в

рёве укрывалась у живота мамы, за которой, нагнувшись к ней и гудя что-то успокаивающее, высился великан – папа.

Эта картина, первая впечатлённая в памяти, преследовала её всегда, как символичное и, – верила она, – вещее подобие того, что будет в её жизни. Неужели такое же – и жуткое, и любящее, и волшебно прекрасное? Её судьба. Та, которую она с тех пор ждала в своих мечтаниях и в тревогах.

А что было до этого? Тоже, должно быть, вещее? Что-то же было! Она не могла вспомнить.

Этот странный пролог её жизни стал началом её нескончаемых удивлений.

В ту дивную пору все в мире было крупнее: кусты поднимались над ней, точно деревья, деревья уходили в небо, как горы, комната была просторна, как зал, а влезть на стул было так же непросто, как влезть на стол. Но этот великанский мир был неповторимо чудесен и добр, как чудесна и добра была её душа. На всё малютка глядела изумленно, встречая восхищенным смехом, и еще более поражалась тому, что такие чудесные вещи ничуть не волнуют настороженно следящую за ней маму и других высоких людей у нее за спиной – “взрослых”. Наоборот, их забавляет её удивление – и они отвечают на её нескончаемые “Почему?”, называя имена этих вещей снисходительно, – так что она недоуменно сознает: “Просто я в этом мире новенькая и маленькая”.

Да, мир добр, хотя некоторые вещи в нем неожиданно становятся страшными. Как этот огромный черно-красный петух, царственно гуляющий по их двору, высокомерно оглядывая округу и время от времени оглашая её оглушительными криками. Как он тогда напугал её, в ярости бросившись на защиту своих желтеньких деток! Или как эта приехавшая к ним тетя в белом халате, которая, улыбаясь, ласково что-то ей говорила, поднимая какую-то прозрачную трубочку с иголкой на конце, но вдруг больно воткнула её ей в руку. Зоя пугалась, кричала, а, успокоившись, запоминала: таких вещей – петухов, огня, людей в белых халатах – врачей и вообще незнакомых людей надо опасаться.

И параллельно этому чересчур большому миру, где ей приходится быть маленькой, осторожной и послушной, она любовно творила свой собственный мирок, – уютный маленький куколь-

ный мир. Этот творимый ею мир был сладостен, потому что в нем большой была уже она сама. Здесь она могла часами упоенно жить в нем в роли мамы, хозяйки, расставляя и переставляя крохотную мебель и тарелочки, раздевая, одевая и кормя кукол, и распевным голосом поучая их своей только что обретенной мудрости, приказывая и объясняя им, маленьким и беспомощным, почему и как все происходит на свете и как надо жить.

Здесь она чувствовала себя умной и важной – “взрослой”. Да, совсем такой же, как все другие люди – “большие”. О! Как же это было приятно, как бесконечно увлекательно.

Вот эта изображаемая в игрушках фантазия и была её настоящей жизнью, – не то, что её мешанина с большими людьми, – такая трудная и опасная, удивительная и непонятная. В их великанском мире всего лишь старательная ученица, она всерьез жила здесь, в своем игрушечном мире, оживляемом её воображением. Правда, взрослые, наоборот, считали её крохотный мирок несерьезным, – “игрой”. Она же знала, что играть ей приходится как раз среди взрослых.

Приятным переходом от игры во взрослый мир было помогать маме. Целый день, когда она не играла, кроха неотступно семенила за ней по пятам по всему дому, следя, как мама долго готовит обед на кухне, как убирает комнаты, метёт и моет пол, шьёт, – и тыкалась в нетерпении, когда же, наконец, ей будет позволено хоть в чем-нибудь присоединиться к священнодействию. Обрадованная, она, пыхтя от усердия, крохотными ручками подражала маме. И, хотя у малышки по большей части всё получалось наперекосяк и его приходилось потом тайком переделывать, она неизменно слышала ласковое восхищение:

– Ой! Какая же у нас мамина помощница растет! Какая помощница!

И девочка гордо выпрямлялась в счастливом сознании своей значительности.

Но как-то утром мама, вытерев с её губок остатки манной каши и как обычно чмокнув в щечку, вдруг необычно радостным голосом пообещала:

– А завтра с утра, Зоинька, если будешь паинькой, мы пойдем в детский садик.

Зоя удивилась:

– Что такое детский садик?

– Это такой большой дом, где собирается много-много детишек, – ну, таких же, как ты.

– А зачем они собираются?

– Потому что там очень весело, много игрушек, добрые тётки – воспитательницы и очень вкусно кормят.

Перспектива рисовалась как будто манящая, но в мамином голосе Зоя уловила какую-то наигранность и тревогу и вмиг насторожилась.

– А ты там со мной будешь? – и подняла внимательные глазки на её худенькое бледное лицо. Большие серые глаза мамы, казалось, жалостливо обнимали девочку.

– Сначала побуду, – замедленно обещала она. – Но потом ненадолго уйду.

Зоя еще больше насторожилась.

– Не хочу оставаться без тебя, – решительно объявила она.

Мама нежно прижала свою кроху к груди.

– Это ненадолго, доченька. Ты там пока поиграешь с детками, а я совсем скоро, к вечеру, вернусь.

– Все равно не хочу.

На глаза девочки навернулись прозрачные слезы.

– Надо, Зоинька, надо. Понимаешь, мне пора снова устраиваться на работу.

– Зачем? Что такое работа? – опять удивилась девочка.

– Работа – это какое-то полезное дело, какое каждый взрослый весь день делает, а за это ему платят денежки.

– Какие еще денежки?

– Вот такие, – мама встала и достала из буфета несколько цветных жестких бумажек.

– Ну, их! – сердито оттолкнула их Зоя. – Зачем нам они?

– На них люди покупают себе еду и разные другие нужные вещи.

– Так у нас же эти деньги уже есть. Вот же они, – недоумевала малютка.

– Есть-то есть. Это папа зарабатывает. Да нам их не хватает. Пока я с тобой дома сидела, наши одежки поизносились. Да и с питанием у нас туговато. Ты уже стала большой. Должна пони-

мать. Ну-ну, не плачь, – мама, порывисто целуя, вытирала ей слёзки.

– Ты не бойся. В детском садике очень-очень хорошо. Тебе обязательно понравится, – быстрым, необычно веселым голосом успокаивала она.

Тем не менее, весь день Зоя, вспоминая о новом завтра, впадала то в любопытство, то в тревогу, а утром разревелась и согласилась идти только вместе с любимой куклой. Так и в детсад она перенесла эти свое важнейшее и любимейшее дело. Но здесь его приходилось разделять с другими детьми.

Как в козлёнке трудно различить будущую ласковую козочку или злого рогатого козла, так в младенцах оба пола ещё не разошлись. Малыши бегают все вместе, не замечая своих мелких различий и не придавая никакого значения даже разности для них одежд и названий “он” или “она”, – все они “ребятишки”. Но в отношении как раз к ее самому важному делу – “игре” и открылась ей их невероятное различие.

Оказалось, есть детки удивительные, которым упоительный мир кукол скучен. Да они и не хотят в нем участвовать. Совсем. Это было невероятно.

Поначалу маленькие мамы принимали некоторых из этих деток на роль, то есть для изображения “мужей” и “пап”, потому что, как и отцы, они носили штаны и местоимение “он”. И поначалу некоторые из них даже соглашались пожить в этой роли.

Однако все попытки приобщить этого рода детей к кукольной радости неизменно проваливались. Эти дети всё делали невпопад и неправильно. Такие досадно бестолковые. Их без конца приходилось поправлять, а они начинали зевать, глядеть по сторонам, не соглашались с самыми справедливыми исправлениями, но все норовили делать по-своему, ругались, а потом вдруг непонятно почему весь любовно построенный кукольный мирок совсем разрушали и убегали, чтобы с криком носиться по двору, оставляя “мам” и “хозяек” реветь от горя и обиды.

Вот почему Зоя вообще не хотела играть с такими детками. Ну, их!

Но однажды возле дальнего уголка двора, где она возилась со своей куколкой, остановился миловидный и стыдливый бутуз с оттопыренными пухленькими губами. Не говоря ни слова,

только хлопая светлыми ресницами, он с любопытством и недоумением глядел, как она водит взад - вперед смешно одетую куклу и упоённо бормочет себе под нос что-то протяжное.

Очевидно, этот мальчик был хороший, то есть миролюбивый. Он не кричал, не дрался, а только молча смотрел. Тем не менее его неотступный взгляд как-то сковывал Зою. Она перестала бормотать, но от этого все очарование игры куда-то пропало. Тут её осенило пригласить его поучаствовать в удовольствии – и она приветливо спросила:

– Меня зовут Зоя. А как тебя зовут?

Тот еще помолчал в раздумье, но снизошел до ответа:

– Вова. Вова Лебедь.

Нет, он ей нравился. Это определенно хороший мальчик. Редкий экземпляр. А имя какое доброе.

– Вовочка, а хочешь со мной поиграть?

Малыш возмущенно фыркнул:

– Вот еще! Мужчины в куклы не играют.

– Но мальчики ведь бывают мужьями и папами. Почему ты не можешь побыть у моей Оли папой?

Сраженный таким несокрушимым доводом, бутуз опять задумался.

– Ну, ладно. Давай буду папой, – наконец, великодушно согласился он.

– Вот и хорошо. Значит, ты сейчас пришел с работы, – и другим, радостным голосом она зачастила:

– Ой, милый, ты устал и голоден. Давай я тебя накормлю.

Она деловито наложила ему на маленькую тарелочку сырого песочку.

– Смотри, какой вкусный сегодня гуляш. Кушай!

Вова растерянно посмотрел на мокрый тёмный песок на тарелочке, но всё же вошел в роль и, неохотно почмокав, сделал вид, что ест гуляш, после чего, к Зоиному удивлению, завалился на спину на травке, еще не совсем вытоптанной возле забора, и зачем-то поднял к лицу обе ладони.

Зоя оторопело смотрела на своего мужа.

– Что ты делаешь?

– Я же устал после работы, видишь, отдыхаю на диване и читаю газету.

Нет, лежащий муж – это скучно. Ну, что за игра такая?

– Вова, а давай лучше погуляем всей семьей. Пошли. Возьми Олечку за другую ручку.

– Вот ещё. Не буду я куклу водить, – решительно отказался папа.

– Ну, вставай же, Вовочка!

Вова неохотно поднялся. Зоя обрадовалась:

– Пошли же, пошли скорей на улицу. Какой же ты, право, лежебока, милый!

Милый “муж” Зоиньки вдруг оскорбился, неожиданно зарорал на свою “жену” дурным басом:

– Ах ты – зануда! – и так двинул её в бок, что у бедняжки, ей показалось, чуть глаза не выскочили. Жена запищала на весь двор:

– М а а а – м а а а!

И стала громко звать Татьяну Витальевну, воспитательницу. Но Вова уже сбежал.

Добрая Татьяна Витальевна напоминала квочущую толстую курицу среди писклявых цыплят на Зоинем дворе. Целый день она так же суетливо хлопотала среди писклявой детской оравы, сорванным громоподобным голосом стараясь поддерживать в ней порядок и направлять к разумному и светлому.

Встревоженная, она тотчас подскочила к плачущей Зое и привела для разбора её обидчика:

– И как тебе не стыдно, Вова, обижать девочек! Ай-ай! Как не стыдно!

Тут в строгом выговоре злодею обнаружилось, что именно так у него дома ведет себя его папа, и Вовочка находит это хорошим способом привести в разум кукольную жену:

– А что раскомандовалась? – убеждённо возмутился он.

Да. Вот эти-то бестолковые неполноценные дети и называются “мальчики”.

Что вы хотите? У них не хватает терпения даже на то, чтобы соревноваться в упорядоченном прыганье по прочерченным на земле квадратикам – “классам” или в подпрыгивании через мерно крутимую веревочку – “скакалку”.

Приличное общество стало их сторониться, перестало принимать в кукольную жизнь и презирало:

– Разрушители, сорванцы, хулиганы!

Самое ласковое имя для них – озорники.

Однако как же оградить свой уютный кукольный мирок от вторжений этих дикарей с их неудержимой резвостью и беспечной веселостью? Варварские вторжения доводили маленьких мам до отчаяния.

Однажды Зоя схватила одного такого забияку-варвара за руки, но с удивлением обнаружила, что этот противный тоненький малыш, шмыгая носом и упрямо перекосив лицо, легко сгибает ее ручки, и она не в силах его остановить. От бессилия и жалости к себе она не знала, что делать. Из её глаз брызнули слёзы. Такой маленький, меньше её, а сильнее. Тогда что же другие?

Дома она пожаловалась на этого Кольку маме. Та обняла её своими тёплыми мягкими руками, прижала, пожалела:

– Что поделаешь, доченька. Мы, женщины, слабее мужчин. Нам остается побеждать их добротой и словом.

– А как это побеждать добротой? – недоумевала Зоя.

– Не пытайся с мальчиками драться. Не стоит. Лучше пристыдила бы Коленьку. Скажи: Хорошие мальчики девочек не обижают, а защищают.

Такая смиренная перспектива не воодушевляла. Но что, в самом деле, было делать?

От буйства мальчишек приходилось спасаться, прячась где-нибудь в дальнем углу двора или зала и громкими криками призывая на защиту маму или воспитательницу.

Собственные занятия мальчиков были странны, нелепы и даже совершенно определённо глупы. Они бегали, точно очумелые, орали и дрались, воображая себя воинами, охотниками, дикарями или мушкетерами, или катали громыхающие жестяные машинки или без конца носились кругами с самолетиками в руках, во все горло гудя и рыча на разные лады.

Участвовать в этом мальчишеском безумии не имело решительно никакого смысла. Исключая разве что игру в прятки. Но и тут сомнительно. В этом Зоинька убедилась после первых же робких попыток. Всегда будешь проигравшей, побеждённой, а то и битой. Ну что за удовольствие?

Как и другие девочки, на этих мальчишек Зоя смотрела со стороны с недоумением и неодобрением: грязнули и грубияны.

Да ещё глупенькие фантазеры. Вечно увлечены какими-нибудь бредовыми проектами. После дождя им зачем-то непременно надо перегородить ручей запрудой, загородив пешеходам дорогу огромной лужей. То они замышляют построить кораблик или самолетик. Будто их нет готовых в магазинах. То собираются удрать в какое-то далёкое путешествие, – и даже, – подумать только! – на луну. На ту, что на небе. Ну не сумасшедшие ли?

Однако, несмотря на всю свою такую глупость они невероятные задавалы. Изрекают какие-то непонятные слова, вроде “вольт” или “карбюратор”, – да еще так важно, словно за ними стоят какие-то захватывающие чудеса.

А на деле они вечно попадают в разные нелепые приключения, перепачканные, пораненные и наруганные, – просто смех.

И Зоя осмотрительно сторонилась таких непредсказуемых деток. Нет, насколько все же девочки трезвее этих воображал и как-то взрослее. Даже в своих кукольных играх. А уж как они аккуратны и правильны!

Так в Зоиных глазах весь мир страшно раскололся надвое.

С одной стороны, на хороших пай-деток, – это девочки. Мамы и тети входят сюда же, – как большие девочки. Всё это – мы, женщины. А, с другой стороны, – на мальчиков, по большей части плохих, бяка-деток. Папы и дяди – это просто большие мальчишки, иногда уже поумневшие. Все они – другие, не мы, это – “мужчины”. И обе половины не любят и не умеют делать любимые дела другой половины и за это взаимно глубоко презирают друг друга, но гордятся собой.

Однако в довершении жизненных неприятностей эти буяны зачем-то сильнее. И не только в драках.

Как-то прохладным весенним утром, когда папа и мама, согнувшись, споро вскапывали за домом свой огородик, Зое вдруг нестерпимо захотелось помочь им, но, сколько она ни силилась воткнуть в землю огромную тяжеленную лопату, неожиданно так и не смогла. Это было так унижительно. Она с завистью косилась через низкий кривой заборчик на соседского мальчугана: как же легко он отрезает и переворачивает поблескивающие чер-

ные ломтики земли! И она с расстройством смотрела на свои тоненькие руки.

подавив обиду, она, чтобы не стоять среди работающих праздно, побрела дёргать прошлогодние сорняки.

Такие сравнения и стычки с мальчиками заставили её смиренно признать свою слабость и приучили побаиваться сильного пола. Женский строй чувств и мыслей не столько врожден, сколько обуславливается возможностями тела. Сознание своей слабости при всякой обиде вызывало у девочки горечь и учило осторожности и боязливости, хитрости и притворству, тяге укрываться под защиту кого-то сильного и – что остается? – равнодушию к занятиям – профессиям, требующим силы.

Но одновременно это сознание слабости питало в ней солидарное сочувствие ко всему слабому и несчастному.

Как-то она заметила на улице возле деревянных тротуар серенького котёнка. Он съезжился в траве, дрожа и чуть попискивая. От жалости к нему она чуть не заплакала. Но взять его домой мама не разрешила:

– У нас ведь уже живет кот Васька. Он не примет другого.

Зоя устроила котёнку гнездышко тут же рядом, под соседним забором, нервничала за сиротку, таскала ему со стола кусочки, кутала, целовала, прятала от бесчувственных мальчишек, умоляла прохожих не трогать его, – и так два дня, пока вдруг однажды неожиданно котик куда-то не исчез.

Зоя вернулась домой со слезами на глазах и на встревоженные расспросы матери чуть не с рыданием выдавила из себя сообщение об этом горе:

– Котик пропал.

Мама с облегченной улыбкой в её больших темно-серых глазах погладила ее головку и успокаивала свою чадушку – даже с некоторой досадой:

– Да что ты, Зоинька, расстраиваешься? Знать, кто-то взял котенка к себе в дом. Порадуйся лучше за него. Эх, ты, моя девочка! – нежно прижала она к себе свою кроху.

Её мама, женщина ещё стройная, но худенькая, занятая вечными хлопотами по дому и спешкой куда-то на таинственную “работу”, выросла в полуголодные послевоенные годы, привыкла неустанно трудиться и беречь каждый кусочек хлеба и каж-

дую тряпку в доме. Её большие серые глаза смотрели из-под тёмных волос привычно строго и озабоченно, но обращаясь к дочери, её глаза словно освещались какой-то незримой зарей счастья и были так дивно прекрасны, как прекрасны только глаза любящих матерей.

Настороженная и стеснительная среди незнакомых, Зоя распускалась, точно цветок, попадая в окружение защищенности и любви, – и, прежде всего, конечно, дома, – нежась в его уюте, счастливая, смешливая и даже озорная. Здесь она ощущала себя всеобщей любимицей, привыкшей всякую попытку родительской строгости обезоруживать лаской, позволять себе шалости, даже шутливо приказывать, словом, росла баловницей, резвой и легкомысленной от необъятного чувства счастья.

С младенчества Зоя была безмерно привязана к матери, однако эта привязь была настолько привычна и так само собой разумелась, что ею даже не замечалась, как нами не замечается воздух. Но с годами девочка стала всё больше тянуться к отцу, такому невероятно могучему, но осторожно нежному с ней, что она таяла рядом с ним и бесконечно доверяла ему. В свои выходные он мог часами забавляться с малюткой, играть и смеяться вместе с ней, корча смешные гримасы и высоко подбрасывая её, заливающуюся восторженным смехом, и легко ловя на свои шершавые стальные ладони.

Вот она шагает рядом с ним, высоченным и тяжелым, запрокинув голову немного назад, под ослепительным сиянием голубого неба, ленивая и ласкающаяся, тихонько потираясь своими мягкими волосиками о синий суконный рукав его железнородного кителя.

Вот она летним вечером стоит во дворе перед сидящими на невысоком крыльце мамой и папой, чувствуя, что они любят её, что-то задорно говорит им и даже скрещивает на груди руки с заносчивой миной на лице, – и потом все они смеются.

Чему? Должно быть, просто своему тихому счастью, которое они сами не замечают, – как это водится у людей.

Да, их дом был приютом счастья.

И ребенок цвёл в нем. Встреча с опасностью где-нибудь на стороне Зою просто парализовала страхом. Вскрикнув, она об-

мирала с головы до ног, не в силах пошевелиться, точно в обмороке, а внешние краски и голоса доходили до нее, как сквозь туман. Но дома ощущение защищенности делалось вдвойне уютным от рассказов и показов как раз чего-нибудь страшного. И темными вечерами в уюте дома она любила ненасытно слушать рассказы маминих гостей, болтливых тётей, упоённо тараторивших о всяком ужасном, которое, однако, для неё волшебным превращалось в несказанно сладкое удовольствие.

Так девочка росла, поглощенная жизнью чувств. Она плыла на этих эмоциональных приливах, поднимаясь и падая на их волнах – то восторга перед дивностью мира и счастливого смеха, то обид, слёз и грусти от своих неудач и слабостей, то влюбленности – в папу, в воспитательницу, в учительницу, то испуга и затаённости, то умилений и нежности ко всему живому и ласковому, то боязливого отстранения от встреченной грубости.

Она была уверена, что ее эмоциональная острота несравнима с казавшимся ей бесчувствием толстокожих мальчишек.

Впрочем, когда их обижал кто-нибудь более сильный, эти озорники-задавалы неожиданно тоже оказывались порядочными плаксами.

*

*

*

1.2. Что такое другая любовь?

Так закладывался ее нежный девчоночный характер, восторженный и умильный, робкий и слезливый, притворный и хитрый, добрый и жалостливый.

Но в девичестве на него вместе с эстрогеном стали накладываться стеснительная страстность, любопытство, кокетство и домостроительная воля.

Лет в пять она случайно увидела, как от стоящего возле забора мальчика далеко вперед бьёт сверкающая желтая струя, рисуя на серых заборных досках расплзающийся темный узор.

– Фантастика! – шепотом воскликнула другая девочка, худенькая тихоня Ксенюшка, и обе круглыми глазами остолбенело воззрились на маленького чудотворца.

– Что это он делает? – недоумевала Зоя.

– Пи-пи.

– Как это пи-пи?

А малыш, заслышав за спиной их изумлённый разговор, оглянулся на ошеломленных зрительниц, и в глазах его появилась гордость своей лихостью.

Он скорчил им дразнящую рожицу, прогудел:

– У-у! – и убежал.

Так свершилось великое открытие. Оказывается, мальчики отличаются не только поведением. Оказывается, они и “пи-пи” делают совсем не так, как все нормальные люди, не присев, а, подумав только, – стоя. Как такое возможно? Должно быть, потому что у них в том месте всё устроено как-то иначе?

Это было невероятно.

Как? Любопытство распирало их тем сильнее, что знать и видеть это, по общему мнению всех взрослых, почему-то было запретно и считалось какой-то жутью.

Однажды во дворе детсада три любознательных мальчика подошли к ним, трём примерным девочкам, с секретным вопросом – обмена информацией: показать им свои письки, а они им покажут свои.

Услышав такое неприличное предложение, безобразное, просто немыслимое, девочки, естественно, пришли в ужас. Однако почему-то всё же не убежали, а бяки-мальчишки, понизив голос, продолжали искушать.

– Ни за что! Это никак нельзя, – твердили девочки.

– Почему?

– Стыдно.

– А почему стыдно?

– Так. Стыдно и всё, – отрезала Зоя.

Однако Ксенюшка проявила позорную слабость, неуверенно пробормотав:

– Правда, все же хорошо бы посмотреть.

Противные мальчишки тут же высунули из штанов им на вид свои кончики. Оказалось, это – какие-то белые висюльки - хвостики, – и подружки, – о, какой кошмар! – не могли оторвать от них взгляда и даже приблизились, чтобы получше рассмотреть.

– А что тут такого? – убеждали искусители.

И в самом деле, что? Они просто посмотрят, ну и покажут свои. Жалко, что ли? – И девочки, сами не понимая, как это немыслимое безобразие могло с ними случиться, задрали юбочки и выпустили трусики.

И всё бы взаимное познание прошло мирно, если бы любознательную молодежь не застучала нянечка тетя Нюра, подняв на весь детсадный двор возмущенный басовитый крик, – и всем естествоиспытателям досталось от мам.

Папам мамы не сказали, но пригрозили сказать при попытке повторить исследование. А это было страшно. Сердитый папа – это тебе не мама.

Как бы то ни было, но открытие состоялось и было доказано эмпирически. Пропасть с мальчиками разверзлась еще шире, став совершенно непреодолимой: они и мы – разные даже телом. Это было потрясение.

Как водится, ответ на один вопрос ставит новый.

Раньше Зоя, не удивляясь, принимала как привычную данность, что мама и папа спят вместе. Но теперь, после открытия телесного различия женщин и мужчин ей это стало подозрительным.

Что-то тут не то. Почему девочкам и мальчикам даже смотреть друг на друга голых нельзя, а взрослые девочки и мальчики даже спят вместе? Зачем? Что за странная причуда такая – спать в одной постели?

Одна из подружек солидно объяснила:

– А я знаю почему. Это потому что у них любовь. Сама слышала. Вот!

Стало еще непонятней. Разве родители её не любят? Почему же они не хотят спать вместе с ней?

Бредя как-то ночью по нужде мимо дверей родительской спальни, Зоя своими ушами слышала, как мама сдавленным голосом ворчала:

– Тише ты, задавишь ведь меня.

А когда она возвращалась назад, мама необычно тяжело и часто дышала и охала. Должно быть, так ее придавило. Господи, и тут от мужчин неприятности.

– Но ведь всё же спят вместе? А ее не берут. Не любят, что ли?

Мир всегда был полон загадок совершенно непостижимых. И самой тревожной загадкой стала любовь.

Мама и папа меня любят, а я люблю их, – тут все было ясно и несомненно. Но, получается, есть еще какая-то *другая* любовь – и она не просто неизвестно что, но вдобавок ещё и знать о ней запрещено.

Это стало очевидным, когда вечером, уводя ее спать, мама сказала:

– Детям нельзя поздно смотреть телевизор, потому что там показывают про любовь.

Лежа в постели, Зоя долго беспокойно ворочалась, возвращаясь к одному и тому же вопросу:

– Что это за любовь такая запретная, которую маленьким нельзя даже видеть? А сами-то взрослые смотрят. Ну и хитрые. Не спят, оторваться не могут. Почему же детей прогоняют? Выходит, это нечто приятное, но... жуткое. Что?

Как воспаленному воображению перетерпеть эту пытку жгучей тайной?

В один из вечеров о Зое как-то забыли. Она обрадовано притаилась и напряженно подсматривала происходящее на экране, пока нечаянно не уснула, но никакой любви так и не увидела.

На следующий день, когда ее снова стали выпроваживать спать, она уличила взрослых:

– А я вчера смотрела – и никакой любви там нет.

Минута общего безудержного веселья ее обескуражила. Чему это они смеются? Или она не разглядела эту любовь? Не поняла? Или уснула рановато? Что же такое эта загадочная другая любовь. И когда же я вырасту?

Что-то скрываемое и темное обнаружилось также и в вопросе, откуда берутся дети. Вначале Зое здесь все было ясно. Мама же ей давно сказала: “Их рожают”. Но ясность пропала, когда в детсаде на вечернем разборе родителями деток, одна девочка спросила у другой:

– Что же ты говорила, что тебе папа с мамой скоро купят стренку?

Удивленная такой нелепостью, Зоинька вмешалась, поправив убежденным тоном:

– А детей вовсе и не покупают. Их рожают.

Воспитательницы и родители засмеялись:

– Какой образованный малыш! Разве тебе мама тоже обещала?

– А мама уже меня родила, теперь папина очередь, – объяснила юная поборница справедливости и равенства полов.

Детский сад грохотал. Даже ее мама смеялась.

Здрав головку, Зоя удивленно оглядывала смеющихся. Снова было обидно и непонятно.

Этот снисходительный смех взрослых как будто делал ее, маленькую, еще меньше. Видно, она сказала какую-то глупость. Но в чем ее ляп? Чему они веселятся? Почему папе рожать смешно? Что это такое “рожать”?

Её подружки, стоявшие рядом здрав головы, тоже недоуменно озирались на бурное веселье воспитательниц и мам.

Было похоже, что все большие состоят в каком-то сговоре против маленьких – договорились что-то от них скрывать. Но что?

На другой же день в садике девочки, разумеется, обсуждали новую загадку – и одна из них поведала, как собственными ушами дома слышала в разговоре взрослых, что дети рождаются от любви.

И здесь опять эта таинственная любовь. Подружки приняли это волнующее сообщение к сведению, хотя ни одна не в силах была хоть что-то понять в нём. Но тайна любви становилась еще грандиозней и захватывающей.

Через несколько дней за праздничным обедом мама рассказала о том случае в садике, и гости тоже смеялись, а девочка вновь поняла, что сказала смешное, но, тем не менее, что ею почему-то всё же восхищаются.

Довольная общим одобрением, она стала вертеть головой, болтать ногами, не в меру громко хохотать и капризно повторять свою реплику:

– Да, теперь папина очередь.

Но гости скоро перестали смеяться и заговорили о другом.

Чтобы вернуть к себе внимание, Зоя стала шалить, а потом, к общему удивлению, заплакала. Мама ее обняла, успокаивая.

Как все-таки тяжело живется маленьким да еще среди стольких секретов, устанавливаемых этими непонятными взрослыми. Как тяжело.

Но если большие скрывают такую жгучую тайну, то что остается делать непосвященным малышам?

Юные умы заострились на собственное расследование тайны.

И по мере того, как столы и деревья становились ниже, картина этого сокровенного и великого совместного действия женщин и мужчин открывалась им все подробнее. Сначала – из собственных подслушиваний и подсматриваний за взрослыми, но немало – просто из повсеместной матерщины; кое-что – друг от друга и из мерзких просветительских рисунков и надписей на заборах и в туалетах и немного – из книг. Таким путем, как это ни ужасно для педагогов, годам к десяти дети были убеждены, что знают “про любовь всё”. И вид этой “любви” в их глазах был маняще ужасным.

Так что, когда в двенадцать лет у Зои обозначились маленькие грудки и случилось первое месячное кровотечение, которое поначалу её так отчаянно перепугало, что она пыталась его скрыть даже от мамы, но не сумела, тогда мамины объяснения были по большей части излишними. Девочке уже давно было известно, в чем и как женщина отлична от мужчины и что ей предстоит в жизни стать мамой и каким способом.

А уж потом в школе затеянный в восьмом классе урок “полового воспитания”, когда всех ребят принародно разделили по половым признакам, уведя мальчиков в другую комнату, произвел между “сторонами” только всеобщий веселый ажиотаж, галдеж и долгие взаимные подшучивания.

“Объяснение” биологички воспринималось ими как нелепо забавный рассказ о том, что всем давным-давно известно. Он был значим разве что в качестве авторитетного подтверждения истинности их собственных ребячьих расследований.

Это походило на “официальное признание” ЦК партии “преступлений Сталина”, о которых в стране тоже знали почти все,

исключая разве что совсем юных, но именно вследствие этого знания и страха кары за суждение о них не смели открыто говорить, а тут стало можно.

Несмотря на то, что классное “половое просвещение” велось “раздельно”, – для Зои в кругу исключительно девочек, но от его публичности ей было неприятно и стыдно. Тогда как её собственное долгое осторожное и скрытое познание казалось как-то чище и целомудренней. Его скрытость как будто убеждала, что это дело не подлежит публичному показу и обсуждению, а должно быть затаенно личным – “интимным”.

После “полового урока” все в классе вдруг заговорили “об этом”. Несколько дней на переменах со всех сторон вызывающе несло: “секс”, “презерватив”, “пенис” – все вмиг стали “грамотными” и разгорались азартным нетерпением скорее претворить открывшуюся теорию в практику.

Однако все течет. Со временем “урок” публичного бесстыдства стал уходить из памяти и тема любви вновь стала сокровенной.

В итоге, взрослея, дочь стала относиться к отцу как к мужчине, но особому, – привычному и сексуально запретному – своему хранителю. Он очаровывал её своей силой, рассудительностью, жесткостью и осторожной нежностью к ней.

Таким когда-нибудь должен быть и “её мужчина”, а что такой мужчина у неё должен появиться, давно для неё стало аксиомой, не подлежащей даже обсуждению.

Однако иногда, когда после неприятностей на работе, отец приходил домой хмур, груб и пьян, он становился ей чужим и непонятным.

Она пугалась и жалела себя и маму. Нет, таким “её мужчина” быть не должен.

Так в Зоинем сознании любовь поразительно раздвоилась на противности. С одной стороны, какое-то скрываемое и влекущее, но низкое и жуткое содействие тел, именуемое еще сексом, а по-русски – е... , – нет, это не выговорить. А с другой стороны, открытое высокое и прекрасное состояние души, воспеваемое в стихах и романах, но тоже ей еще неведомое.

Как эти противостояния сходятся? Да и возможно ли их соединение?

Что принесет ей предстоящее испытание? Смятение будоражило и изводило каждую юную душу.

Так что же такое любовь?

*

*

*

1.3. Пятое время года

Зоя вышла на крыльцо подышать свежим воздухом.

Их дворик уже утонул во тьме. Только за темными воротами в переулке тускло горел одинокий фонарь да свет из окон их домика ложился желтыми бликами на кусты и деревянной сарай, над которым в небе чернела крона клена.

В вечерней тишине издали доносился глухой гул города, похожий на непрерывный рокот далекого грома. Временами этот гул разрезали резкие свистки поездов, проносившихся далеко в лугах за рекой.

Вдали в ночном небе красновато-желтой дымкой поднималось зарево городских огней, под которыми точно вырезанные чернели зубчатые силуэты зданий. Вверху зарево постепенно мутнеет и свинцовеет, переходя в тяжелую черноту, – глухую, нависшую, в которой не видно звезд. Но белые огоньки звезд искрятся на другой стороне неба, над лугом и далеким лесом.

– Ах, завтра первое сентября! Наконец-то, новый учебный год! – радовалась Зоя. – Боже мой! Как я люблю свою школу! Как соскучилась! Скорее – скорее в школу! Уже девятый класс. Ой, что там будет?

За год Зоя подросла, но осталась такой же любительницей нравиться, быть правильной и похвальной. И сейчас она в нетерпении ожидала новых успехов в этом привычном удовольствии.

Как хорошо, когда знаешь все уроки и учителя тебя хвалят и ставят в пример. Всё ли я выполнила заданное на лето? Как будто всё. Разве что формулы этой окаянной алгебры слабовато повторила.

– Надо всегда хорошенько запоминать, – убеждала она себя – “выучивать” уроки. А для этого развить волю. Как? Никогда не забывать свою цель и делать только нужное для неё. Как это называется? Да. “Целе-устрем-лён-ность”. Целеустремленность – вот залог успеха. И ещё быть критичной к себе, к своим недотаткам.

Преисполнившись такими великими планами, Зоя вернулась к себе в каморку и погрузилась в мягкую постель, но взбудораженная долго не могла уснуть. Как давно я не виделась с девчатами. Как соскучилась по ним, моим милым подругам!

Девчонки в классе очень любили дружить. Дружба заключалась в том, что на переменах они вместе прохаживались взад и вперед по школьному коридору, взявшись за руки и на распев поверяли друг дружке сердечные тайны, то шепча, то взвизгивая.

Ах, как это славно “делиться мыслями”! Прямо всем-всем! Самым потаенным! Сладкая жуть! А кому было по пути, те и после школы дружили. И очень ревновали, чтобы подруга не ходила с другими девчонками. Это у них считалось низким предательством.

В последнее время перед каникулами Зоя дружила с Ларисой. Её мама – их участковый терапевт. Правда, Лара очень уж обидчиво следила, чтобы Зоя не разговаривала с кем-то еще. Между тем сама – как пленный партизан: ничего потаённого о себе не скажет. Это стало невыносимо. Надоело. Почему? Не доверяет? – Но тут Зое стало совестно: “Но ведь и я не все доверяю. Стыдно. А ещё подруга”. Хотя умолчания вызывались всего лишь тем, что для многих своих переживаний девочки просто не находили слов, а другое было столь некрасиво, столь некрасиво, что признаться в нем не было, ну, никаких сил. Нет, совершенно немислимо! Поэтому щебетали подруги в общем-то чепуху.

Однажды после уроков Лара осталась сидеть в опустевшем классе и плакала, закрыв лицо руками и вздрагивая худенькими плечиками. Зоя обнимала и успокаивала подругу, сама чуть не плача от тревоги за нее. Но сколько её ни расспрашивала, та не захотела объясниться, а вскочила и ушла. И только на следующий день рассказала, что ее родители поссорились и хотят разводиться.

Какое несчастье! Лара стала плохо отвечать на уроках, а на истории за отказ схватила единицу. Учителя указывали на нее как на самую ленивую. Не знают ее положение – возмущалась Зоя – и только твердят “Не надо лениться”, “Не надо лениться”.

Зоя переживала, как ей помочь, и терялась: “Господи, и что делать? Не знаю. Что же это такое? Подруга в беде, а я ничем не могу ей помочь”.

А потом узнала: Ларины мама и папа помирились.

Но Лара почему-то продолжала учиться плохо, хотя очень даже способная. Выходит, в самом деле ленится? Оправдания ей нет. С тех пор Зоя дружила с ней уже не так горячо, как раньше.

“Что же такое дружба? Почему теперь мне больше всех моих подруг нравится Алла Бойко? Хотя сошлись мы с ней только весной, но она оказалась девочкой хорошей: и весела, и серьезна, когда надо”.

В памяти поплыли другие неприятные сцены её размолвок с девочками. Зоя стала корить себя: “Я недостаточно критична к себе, к своим недостаткам. Почему-то иногда я становлюсь груба к подругам. Позор! Да! Да! И тебе не стыдно? Ой, как стыдно! Ты больше не будешь так делать? Да, Да, конечно!” – клялась она себе.

Ей вспомнилось, как на уроках они с Аллой так увлеченно шептались, что даже стали получать замечания от учителей, – и недовольство собой в ней выросло так, что стало невыносимо тягостно: “Господи! И всем-то своим проступкам я нахожу оправдание. Это малодушие! Неужели я такая? Нет, больше так нельзя! Буду всегда признавать свою вину”.

Со школы память переметнулась на летний пионерлагерь – и на Мишу, по прозвищу Муха, худощавого, но бойкого отрока: “Как он там неотступно смотрел на меня! Как смотрел! Он мне просто друг или больше? Он меня ..., “ – нет, она не смела даже в уме сказать это грозное слово. – “Ах, я знаю, всё это ерунда! Или нет? Я совсем запуталась Кто мне ближе, Миша или Ренат?”

С Ренатом она познакомилась весной на школьном балу, какие раз - другой в год устраивались для старшеклассников.

Это были первые в Зоинной жизни танцы.

Весть о грядущем празднестве все молодое человечество школы привела в несказанное возбуждение. Особенно, конечно,

девочек. Они изо всех сил прихорашивались, переживали и предвкушали.

Но на деле вечер оказался скучноватым.

Господи! Да и как могло быть иначе под этим строгим учительским и комсомольским надзором? И обязательно в школьной форме да с подолом платья обязательно ниже колен?

Это требование доводило начинающих красавиц чуть не до слёз – и они с отчаянием защитников Сталинграда отстаивали каждый сантиметр подольной высоты.

Дозволенный набор танцев был традиционным. К исполнению допускались главным образом вальсы, польки, краковяк, падеспань, – как раз всё то, что мальчишки почти поголовно не умели танцевать и, скучая, стояли у стены и от делать нечего корчили рожи.

А девочки вынуждены были одни крутиться по залу друг с дружкой. Впрочем, по правде, их и не очень-то тянуло танцевать с этими недорослями.

Чувствительные учительницы проникались сочувствием к особенно несчастным школьницам, обойденным вниманием не только дефицитных кавалеров, но даже подружек и одиноко подпиравшим стену, и, пытаясь восстановить на земле справедливость, подходили к кому-нибудь из умевших танцевать мальчиков и умоляюще шептали:

– Вадик, пригласи Олю.

Вадик скашивал глаза на Олины веснушки и длинное платье и снисходительно вздыхал:

– Ах, Нина Михайловна, как мне надоели благотворительные акции.

Правда, более опытные девушки из 9 – 10-х классов исхитрились как-то выделиться с помощью дерзких причёсок, косметики и разных вольностей в платьях и просто затмили скромных восьмиклассниц. Немногие из них были удостоены внимания старших мальчиков.

Но Зою пригласили.

К ней подошел кареглазый, чуть рыжеватый и чуть курчавый и уже довольно крепкий парень – Ренат Шалагин из 9-го “Б”. Он танцевал недурно, а Зоя, хотя пробовала это занятие впервые в жизни, перенимала движения с одного взгляда, удивляясь, как,

оказывается, это легко и волшебно прекрасно, и порхала по залу с восхитительной грацией и задором, раздурманенная и счастливая своим успехом.

Они и шли с вечера вместе.

Шагая рядом, Ренат оживленно рассказывал ей о каком-то Валерке из их класса, которого хотят исключить из школы.

За что? Из его словесной чечетки она так и не поняла. Она рассказала Ренату о Ларе. Он тоже осудил её.

Как он Зое понравился! Вот это парень! Сразу чувствуется серьезность и необыкновенность его натуры.

Через день она снова увидела его. Он брел куда-то по школьному коридору.

– А-а, это ты, Зоинька! – бросил он на ходу, а она застыла разочарованная и задетая, что он не остановился поговорить: Неужели так и будет: “Здравствуй!” – и проходить мимо?

“Так кто же мне ближе, Миша или Ренат? Ренат – мне друг, товарищ. Да... А Миша? А-а, ну его. Ах, существует только большая любовь или ничего.

Если подруги думают об одном и том же мальчике, то как им быть? Мне кажется, я предоставлю его своей любимой подруге. Потому что твердо уверена: дружба выше любви. Нда. Уверена. Во всяком случае, пока ..., ” – и, уставшая от этих тяжких раздумий, Зоя забылась.

Утром Зоя открыла глаза рано на заре, когда на стене солнечные блики, отраженные от реки, беззвучно смеясь, играли золотой сетью, но в полудреме лежала, привычно слыша, как за открытым окном звонко хлопает пастуший бич, как скрипят ворота соседних домов и мычат выгоняемые на улицу коровы.

Но вот и стадо прошло в запахе пыли и стало тихо.

Потом в сенях послышался шум открываемой двери. То, конечно, пришла молочница – тётя Маня, живущая через два дома от них, принесла, как обычно, литровую бутылку молока за 40 копеек. На завтрак мама наливает его, белого и густого, всем по полному стакану – и оно, парное и такое вкусное, что всегда хочется еще, но остальное мама бережно оставляет на стряпню. В магазине молоко появляется крайне редко и ненадолго, потому что тут же набегают ближние жители и быстро его расхватыва-

ют, тогда как от Зоиного дома магазин далековато и купить его там им нереально.

Ой, ведь сегодня в школу! Скорее – скорее вставать!

Не доев завтрак, Зоя в нетерпении выскочила из-за стола, еще раз быстро проверила портфель, доложив в него забытый было поцарапанный пенал, надела на свое ситцевое платье праздничный белый фартук школьной формы, повертелась перед зеркалом, поправляя хвостик косы с вплетенной лентой, взяла букет из нарезанных накануне в палисаднике багровых георгинов – и, торжественно напутствуемая мамочкой (папа уже ушел), счастливая шествовала по главной улице Приречья.

Официально Приречье называлось улица Лихачева. Но о нём никто ничего толком не знал, кроме того, что это был “чекист” и “герой гражданской войны”, а, по рассказам несознательных старожилков, – местный хулиган, который вступил в 18-ом году в большевики, получил наган и много народу здесь пострелял, пока однажды утром его не нашли на перекрестке лежащим с разбитой головой.

Эта родная улица была Зое так знакома, что почти не замечалась.

В низком утреннем солнце греются ряды почерневших бревенчатых домов, все – в кружеве карнизов, а окна, двери и ворота – в резных деревянных узорах наличников, тоже потемневших. Под окнами красуются цветами зелёные палисадники.

Вдоль улицы темно-зелеными облаками высятся развесистые старые липы, дарящие в знойный полдень прохладную тень.

За серыми покосившимися заборами видны зелёные грядки огородов и густая листва садилов.

Под туфлями гремят звонкие дощатые тротуары и еще звонче гремят серые деревянные мостки над оврагами.

Широченная проезжая часть улицы раздольно зеленеет травкой-муравкой и только по её середине сереют широкие следы от машинных колес, превращаясь во время дождя в лужи и грязь.

У заборов в траве дремлют белые гуси и деловито бродят пестрые куры. Изредка в воздухе слышен ленивый перебрех собак и залиvistое пенье петухов.

На перекрестках вбок уходят узкие переулочки, еще более тихие, но с домиками послевоенной постройки, произведённой

самими жильцами, – такие же, как её Луговой.

Малолюдье. Редкие прохожие – небогатые местные жители: рабочие, мелкие служащие, учителя. Каждый встречный не раз обдуман, половина – знакомые друг другу лица, давно примелькавшиеся, многие привычно здороваются.

Сзади по тротуару застучало быстрое цоканье каблучков – и Зою догнала запыхавшаяся Лара, тоже в парадном белом фартуке и с букетом собственных цветов, – и полились радостные восклицания, объятия и хвастливые воспоминания о лете.

Вот и центр Приречья – Возин, издали очень живописный.

Далеко внизу, под крутым заросшим травой берегом, на мокром плоту бабы, согнувшись, шумно полощут в темной воде бельё, а вверху на склоне холма в косых лучах утреннего солнца среди густых древесных крон горят окна белых домов причудливой архитектуры, в белых каменных узорах, под красными и зелеными крышами и золотится огромный белый собор.

Но вблизи при входе на булыжную мостовую центра его старинная красота пропадает. По сторонам сиротеют облупленные двухэтажные дома начала века с галереями, на которых развешено пёстрое бельё. Стены и купола собора грязны. Он долго использовался под склад, но в дождь стал протекать и теперь висит заколоченный и пустой.

Однако надо воздать должное стоической безмятежности горожан. Никто из них не только не возмущается запущенному виду столетней древности их исторического центра, но все (и Зоя, конечно) смотрят на это уныние, привычно его не видя и считая нормальным. А каким же старому центру быть, если дома-то старые? Возраст никого не красит. Тем не менее, все его любят, находя в нем какую-то живую нестандартность и трогательную элегию увядания.

Но впереди, за этой не замечаемой печалью, в окружении весёлых берёз, уже тронутых местами осенним золотом, светло раскинулось большое трехэтажное здание, поблескивая рядами огромных окон. Это Зоина школа! Мир, куда так нетерпеливо летит её душа.

А ещё дальше, за пришкольным березняком, начинается необъятный лабиринт одинаковых серых четырех- и пятиэтажных кирпичных и панельных домов города.

У самой школы навстречу подругам спешили скромная маленькая Ксения и сияющая Алла, точёная фигурка с золотой гривой и с приподнятыми бровями, создающими впечатление её постоянного удивления и готовности вот-вот прыснуть со смеху. Конечно, они тоже нарядные, то есть в белых фартуках, но без букетов. Они живут в серой четырёхэтажке возле заводского клуба и своих цветников у них не водится.

Перед школой уже собралась праздничная толпа. Впереди замерли милые малышки-первоклашки с букетиками в руках. Тараша глаза и вытянув испуганные лица, они жмутся к родителям, главным образом мамам, тоже испуганным. А за малышней колышет море остальных классов. Оживленными пестро-белыми кучками красуются девочки и дергаются и толкаются кучки мальчиков в серой форме.

Пока тянулась торжественная церемония открытия учебного года, среди старшеклассников почти никто не слушал привычных учительских речей, а девочки увлеченно болтали между собой. Еще бы, открывались чрезвычайно важные новости, просто потрясающие.

– А ты знаешь? – понизив голос, заговорщически спрашивала Лара, – Алла теперь дружит с Леной.

Ошеломленная Зоя сразу же придвинулась для проверки этого факта предательства к Алле и к высокой стройной Лене Федоровой, классной отличнице и красавице, – и обе подтвердили создание нового дружественного пакта.

Зоя фыркнула уязвленным голосом:

– Да я еще весной видела у Лены записку, а в ней Алла отвечает, что согласна с ней дружить. Ну, что ж? Пожалуйста. Не будем мешать. – Она даже отвернулась от них. – Хорошо. Девочки вы неплохие. А я останусь дружить с Ларой. И тоже очень хорошо. С Ларой я и хотела дружить больше, чем с Аллой и Леной.

Тут Алла, просияв еще ярче и удивлённей, для общего примирения радостно ошеломила девичью компанию другой удивительной новостью:

– Девочки, а вы знаете про Ма-ашу? – вдруг потрясенно воскликнула она.

– Какую Машу?

– Машу Кадкову. Ну, ты, Зоя, с ней дружила в начале прошлого года.

– Да, очень славная девочка.

– А вы знаете, что о ней говорят? – пропела Алла таким страшным голосом, что девичьи лица сразу вытянулись.

– Что-о? – устремились они к ней.

– Не скажу. Вы всем разболтаете.

– Не разболтаем.

– Честно?

– Честное - пречестное.

– Кляннитесь.

– Клянусь! Клянусь!

– А то, что она ходит с парнями из строительного училища! Вот, – выдала Алла, медленно оглядывая подружек и удовлетворяясь произведенным впечатлением.

– Да ну? Какой кошма-а-ар!

– Раньше она мне очень нравилась, а теперь уж не-е-ет, – тут же ошеломленно решила Зоя.

А задетая Лара добавила:

– И еще мне в ней не нравится, что если ей что-нибудь доверишь, то через пару дней этот секрет будет знать весь класс.

И все трое, Зоя, Лара и Лена, сразу согласились:

– Нет уж, больше мы не хотим с ней дружить.

Но Алла промолчала, и ее спросили прямо.

– Еще не решила, – загадочно увильнула она, – подумаю.

– Конечно, это твое дело, – обиделись девочки. – Но тогда ты одна с ней и дружи, а мы с ней дружить не будем. Нет. Она же ходит со взрослыми парнями.

– А ведь хорошо дружили, – жалела Зоя, – Эх, жаль. Но теперь не будем. Нет. Ни за что! – веско отрубилла она.

– Ха! Можно подумать, что мы просто завидуем. Но нет. Это совершенно не так, – лукавили девицы.

На самом деле, им всем, как и Алле, наоборот, дозарезу хотелось выведать у Маши, каково это – “ходить со взрослыми парнями”, но именно в силу нестерпимости этого порочного желания они никак не могли в нем признаться.

Как и некоторые её подружки, Зоя с этого года почувствовала себя не девочкой, а женщиной, хотя на самом деле стала пока

разве что юной девой. В ее теле, лице, голосе и чувствах еще сохранилось много детского. Как дитя она хлопала в ладоши от восторга, топала ногами в раздражении и становилась шаловлива, когда ею любовались, но фигурка ее округлилась и похорошела, спинка изогнулась, голос окрасился воркующей глубиной, в заблестевших глазах и на припухших губах заиграла понимающая усмешка.

С замиранием она ловила на себе новые для нее долгие взгляды мужчин и читала в них восхищение собою, любование и заискивание. И, замирая, понимала: пришло её время. Она, слабая, становится повелительницей сильных, которых привыкла остерегаться. И торжествовала, летя ликующей походкой и с презрением будто бы не замечая встречных обожателей, – и оттого расцветала еще краше, сама любовалась новой собой и крутилась в кокетстве.

И так же одна за другой дозревали другие девчата ее класса. С весны их обуял холодок желания любви, ее тревожное ожидание и сладкое предчувствие, – пятое время года. Все они думали о любви, мечтали о ней и о Нём, своем желанном и о первом свидании с ним и заранее готовились влюбиться.

Другое уже не привлекало. Прежние радости поблекли. Даже милый кукольный мир для Зои вдруг перестал быть важным и серьёзным, а стал всего-то игрой – пресным и скучным.

Зою душили тайные жгучие волнения, по ночам против воли всплывали томительные образы, такие грешные, что она не смела признаться в них не то что маме, но даже себе. Что уж подружки. Разум отвергал эти наплывы отвращением – и она сочла бы себя униженной, если бы кто заметил в ней эти безадресные страсти.

Ей хотелось неизвестно чего, томили какие-то неясные мечты о каких-то ярких залах и садах, о сказочном веселье рядом с Ним, таким высоким и прекрасным, что захватывало дух, о ярких букетах от него, о его таком невыразимо красивом уходе за ней и поцелуях при луне.

О! Как хочется такой красоты! Ну, хоть немного! Хоть искорку! А уж из нее её душа разожжет такую сияющую зарю – и память о ней будет светить ей всю жизнь.

Теперь в ней проснулось подсознательное ожидающее внимание к каждому новому знакомому: не Он ли это? И всякий раз она почти сразу же убеждалась: нет, это вовсе не Он.

Вот разве что ... Ренат?

Она считала его лучшим другом, то есть была безнадежно влюблена. Или, пожалуй, вернее сказать, он приглянулся ей. К нему уже который месяц она относилась со скрытым интересом и симпатией, непроизвольно задумывалась о нем, смущалась при встрече, и неосознанно даже стала с ним приветливой, да он её не привечал – и Зоя незаметно охладевала.

Увы, любимый не являлся.

И на неё стало нападать небывалое – хандра. Все прежде привычное стало невыносимо скучным и даже противным, Грудь сдавливал тяжкий вздох и не отпускал – непонятная тоска о чем-то изводила; дурное настроение прорывалось в непонятном раздражении и с подругами, и с домашними – и непонятные слёзы брызгали из глаз. И тогда всегда ласковое лицо Зоиньки было не узнать: бровки сошлись, губки оттопырились. Его, желанного! Скорее! Скорее! И когда же, наконец, Он явится?

И такие же муки никак не наступающей любви тайно терзали ее подруг. Все постоянно озирались вокруг в ожидании Его, – того, кто достоин их любви и в них влюблен, но не находили, – отчаивались, тосковали и страдали. В этой череде падений в сладкое отчаяние и подъемов в сладкую веру и состояла теперь их жизнь. Нет, конечно, не наружная будничная суета, а подлинная внутренняя жизнь.

Прежде всего, от любви девочек досадно отдаляла совершенная непригодность в мужчины окрестных мальчиков, ровесников из их собственного класса и с их двора и улицы. В их сторону не хотелось не то что смотреть, но даже мысль об их мужчинстве не возникала. Это было бы смешно. Почти всё это были давно надоевшие дурашливые кривляки и жалкие троечники.

– Ну, на что они годны? Какие, господа, из них мужчины? Глупые зелёные сопляки!

Нет, ни одна дева не могла воспринимать их всерьёз.

Даже лучшие из этих мальчиков вечно жили в своих сумасбродных увлечениях: кто авиацией, кто спортом, кто физической или стихами, – и в мечтах стать летчиком или великим хоккеи-

стом, ученым или поэтом, забывая про уроки и заданные параграфы, на физике сочиняли стихи, а на литературе решали задачи и “всё делали в неположенное время”.

Девочки были по большей части свободны от таких бредовых увлечений, настроены реалистично, впереди видели любовь и семью, – поэтому учились ровней и прилежней, а в глазах мальчиков казались просто какими-то автоматами для мерного заучивания учебников по заданным параграфам.

Если мальчики в своей текущей жизни играли в героев, инженеров, спортсменов и поэтов, то девочки любили играть в правильных – “хороших”, с напусканьем на себя положенных чувств, старательным исполнением положенных дел и горьким переживанием своих и чужих отступлений от похвального.

Разумеется, в старших классах в ребятах тоже зашевелился греховный интерес к девочкам – и они даже начали совершать для юных дам всякие подвиги – каждый в меру своих способностей.

Одни лоботрясы, подражая своему предводителю Степану Путову, басовитому верзиле с последней парты, не находили более доступного способа молодецкой удали, чем при каждом удобном и неудобном случае похабно сквернословить. И еще лучше – при этом ловко сплюнуть сквозь зубы на пол. Какой шик! Они чувствовали себя тогда вполне солидными и смелыми

– Каково? А? То-то. Мы – настоящие мужики! – было написано в их гордых позах и презрительно прищуренных глазах.

А самые героические из них – подальше от учительских глаз, – подумать только, – уже затягивались папироской, а иногда даже поперхались водкой. Скрывая, что табак дерёт горло, точно борона, заставляя долго кашлять и приходиться в себя от одури, а от водки мутит и тошнит.

Хотя поначалу такая блатная мужественность творилась ими из бравады, напоказ, ради брутальности, но скоро они к ней привыкали, переставали замечать – и она становилась их обыденным образом.

Других фантазия наводила на подвиги пооригинальнее.

Миша Климов – так тот глубокой осенью до самой зимы таскался в школу в одном свитере, хотя в городе его замечали и в пальто.

Зоя не раз встречала его возле школы: он шел, зябко сгорбившись и втянув тощую шею в плечи.

Девочки жалели:

– Глупо. Простудится и всё.

– А, может, он воспитывает себя физически? – со скептическим уважением допускала Алла и некоторые другие.

И парень мерз ради этого девичьего внимания – форсил.

Однажды утром в классе Зою вдруг привлек какой-то дребезжащий стук в окно. Головы повернулись: за стеклом белело чьё-то перекошенное лицо и выпученные глаза. Народ шумно сгрудился. Ребята с трудом отворили тяжелую раму. За ней, намертво вцепившись в водосточную трубу, висел щупленький Стас Моров.

Как он вскарабкался сюда, на третий этаж?

Ребята хохотали, девочки ахали и польщенно ругали его, а герой долго сидел с бледным лицом на подоконнике, – точно на пьедестале почета, – скрывая, что не может спуститься на пол, так трясутся в коленях ноги.

Даже Эрнест Платонов, привычный тихоня, вдруг ни с того, ни с сего стал на уроках вызывающе дерзить учителю:

– Так, значит, вы не знаете, почему академик Лысенко прав? Стыдно!

И класс, пораженный, замирал:

– Это наш-то паинька.

Петька Дутов на переменах регулярно переворачивался вниз головой и ходил по классу на руках, дрыгая в воздухе ногами в опасной близости перед лицами испуганных дам, и заражал дурным примером других.

Всевозможные подобные фокусы становились привычны.

А гранит науки, счастливый, отдыхал от юных зубов. Школярам было не до него, их захватывали влюбленности.

Впрочем, в классе было несколько светил и серых дятлов, которые, наоборот, стали грызть учебный гранит еще усердней, чтобы своими блестящими ответами поражать дев. Но тщетно. Дев прельщало что-то иное.

Их сердца больше привлекали молодые пижоны, стриженные под битлов или гамлетов, в свитерах и в где-то раздобытых джинсах.

А бедные педагоги, давно позабывшие свою юность, тоже пораженные, возмущались и ничего не могли понять.

Но Зоя и другие девочки – те откуда-то, из проснувшегося в них женского чутья, отлично понимали, что творится с мальчиками.

Их подвиги приятно щекотали им дамское самолюбие. Они с трепетом начинали сознавать свое женское могущество, свою власть над этими окаянными мужиками. Сколько от них натерпелись! Теперь уже отыграемся.

Тем не менее, вся эта мальчишеская удаля не вызывала у юных дам к удалым сверстникам, ну, ни малейшего почтения. Наоборот, она смешила жестокосердных. Им грезился мужчина – обожающий их покровитель, серьезный и могучий. А эти желторотые птенцы совершенно не походили на него. Девы только тем яснее видели, что нет, это совсем не мужчины, а всего лишь несерьезные забавные мальчики – полудети. А их ребячьи влюбленности комичны.

Говоря о своих одноклассниках, девочки называли их “наши мальчики” – и этим было все сказано: они относились к ним по-сестрински или даже по-матерински, в лучшем случае – с насмешливой снисходительной нежностью. Но полюбить таких никак не могли.

А часто смотрели на них и с досадой. Особенно неприятна Зое была Путовская компания, чьим излюбленным развлечением стало перед самым уроком внезапно подсесть к какой-нибудь из девочек, из тех, что потише, зажать её с двух сторон в парте и держать, не выпуская до прихода учителя, и, наслаждаясь ее возмущенным писком, счастливо гоготать.

Иногда Зое доводилось слышать ворчанье старших на совместное обучение:

– Вот раньше-то мальчики, кроме сестер, девочек видели только издали и почитали идеалами. Что и говорить. Одно слово – уважали. Даже хулиганы стеснялись при них ругаться. А нынче уже иные девицы сами матом разговаривают. Особенно если старших нет рядом.

И Зоя сочувственно недоумевала: “И в самом деле, чего ради нас собрали вместе с этими сопляками в одном классе? Чтобы на физике и математике унижать девочек перед мальчишками? И

зачем нас заставляют учить эти предметы наравне с ними? Ведь все равно почти ни одна не пойдет по этим специальностям. Ради равенства? А как досаждают эти глупыши”.

Среди ребят в классе достойных внимания исключений было немного.

Больше всего девичьи глаза привлекал новичок, перешедший к ним из другой школы. Он появился в их классе этой осенью, высокий и модный, с вызывающим пренебрежением к урокам, славой шалопая, поэта-барда и великого сердцееда.

Держался он с девочками удивительно непринужденно, но красиво, за что и был прозван Грандом.

Девы лукаво посматривали на него, ожидая, на ком он остановит свой выбор. Но тот ни одной не отдавал предпочтения. Это было невероятно. Может быть, у него уже есть кто-то в прежней школе?

Лара и Алла исподтишка выведывали о нём у знакомых ребят из его прежней школы, но ничего определенного никто сообщить не мог.

Всякий раз, когда Гранд заговаривал с кем-либо из классных девочек подольше, остальные напрягались и роптали:

– Фи, рыжая!

– Воображала! И что он в ней нашел?

И каждая в упор смотрела на слепца и в ее глазах стояло: “Смотри, вот же я, самая красивая и милая в классе. Разве ты не видишь?” – И была уверена: “Э-э, да он просто боится, что я его отвергну”. А на следующей перемене, проходя мимо него по коридору, дамы гордо отворачивались от него, так что его величество внезапно оказывалось в зоне чуть не всеобщего девичьего бойкота. Но проклятый словно не замечал его.

Однажды Зоя, Лара и Алла после уроков так увлеклись подсматриванием за изысканным мальчиком, что тайком пошли за ним следом по другой стороне улицы и даже заходили за ним в магазин, для маскировки сменяя друг друга, – по одному:

– Интересно, и что он там так долго делает?

– Не амуры ли?

Одна зайдет, посмотрит: он стоит, облокотившись, возле прилавка и что-то высматривает. Она застесняется – уйдет, её сменит другая.

– Ну, что? – набрасываются они на вышедшую.

– Стоит, – и вся компания хихикает, возбужденная своей шпионской хитростью.

Но и тут ничего интересного не открылось.

Впрочем, девочки и мальчики в классе вообще держались по-разному. При таком различии интересов и занятий они не о многом могли говорить друг с другом.

Между собой ребята возмущались совершеннейшей пустотой классных девочек.

Стас Моров негодовал:

– Представляете? Они не знают, как устроен радиоприемник. Ну, разве не дуры?

Эрнест Платонов расстраивался:

– Никто из них не может сказать, чья это строчка “Не жалею, не зову, не плачу”.

Даже Степа Путов поддержал общее мужское разочарование:

– Да что там радиоприемник. Эти телки не знают даже, кто форвард в “Спартаке”.

Со своей стороны, девы тоже презирали этих отроков.

Алла негодовала:

– Да, конечно, он знает, как устроен приемник, но не знает, с кем теперь гуляет Зина, дурак! Ну, о чем мне с ним говорить? О радиотехнике, что ли? – и одна мысль об этом заводила её неудержимым хохотом.

И Зоя её всецело поддерживала:

– Конечно, мужичье любит технику или, там, литературу и знает в них много всякой чепухи. Но чем же им еще заниматься? Уж не косметикой же или оборочками? Интересы – вольный выбор каждого. На вкус и цвет.

Их классные мальчики еще не знали, что о чем бы женщина не спросила, говорить она хочет только о себе самой. Пусть её при этом даже ругают, но ... за достоинства, – хотя бы за такие, каких в ней нет.

Вот почему, пытаясь толковать о своих хобби, ребята и не находили с одноклассниками общего языка.

И мальчики стали считать девчонок глупыми, чтобы понимать их увлечения, и скоро перестали даже пытаться заговари-

вать с ними о технике, хоккее и других серьезных вещах, а болтали им всякий вздор, какой придет на язык.

Однако, к их удивлению, юные девы как раз таким-то светским пустословием и оказались очень довольны. Они хотели, чтобы мужской пол видел в них не специалистов, а женщин и говорил не о карбюраторе или дактилической рифме, а об их красоте и о любви. Пусть, так уж и быть, при этом просвещая их в своих глупых специализациях. Пусть даже важничая покровительственно, как с детьми, но лишь бы при этом потакали их кокетству и капризам.

Иные из юных прелестниц начали даже догадываться, как это ловко можно привлекать мужичье своей будто бы глупостью, искренней или напускной.

Какими великими тогда чувствуют себя эти индюки, как нежатся в своем превосходстве и как распускают свои павлиньи хвосты! И вот они уже не могут жить без этих поклонниц их величия. Мёд лести – путы крепкие.

Пусть себе эти задаваки воображают себя умниками. Девочки-то все больше убеждались в глупости ребят: господи, как серо они учат уроки, а, втрескавшись, какие глупости творят им в угоду! И ходят вниз головой на руках и, заикаясь, бормочут всякие бессмысленные клятвы. Какой тут ум?

Взахлёб рассказывать друг дружке об этих мужичьих выходах и безумно хохотать, потешаясь над несчастными и хвастливо восторгаясь собой, – стало любимой темой в девчачьих кружках.

Ах, как эти переживания прекрасны! Какое это счастье! Как это великолепно быть женщиной!

Правда, были в их классе две эрудитки.

Одна – Людмила Ковалева – смущала мальчиков, щеголяя модными именами писателей:

– Ах, Булгаков, ах, Сент-Экзюпери, ах, Саган, ах, Фицджеральд, – сыпала она ими так, будто они известны всему миру, кроме, получалось, только их, невежд.

И невежды испуганно отступали от эрудитки.

Другая, Оксана Кислова, тем же способом добивала ребят именами мировых поп-музыкантов

– Ах, Сенатор! Ах, Пристли! Но, нет, Джон Леннан все же еще лучше! – восторженно верещала она диковинные имена зна-

менитостей, не слышанных никем из них, и польщенная их уязвленными круглыми глазами, упивалась своей необыкновенной изысканностью.

В присутствии этих ученых дев униженные одноклассники чувствовали себя пристыжено и неловко и долго обходили их стороной. Пока однажды нечаянно не открыли, торжествуя, что ни та, ни другая своих идолов почти не читали и не слышали, заниматься этими ремеслами лично сами не собираются, да в них, собственно, и не разбираются, а интеллектуальный наряд им нужен, чтобы дурить головы двум мальчикам из старших классов, увлеченных, один – литературой, другой – музыкой.

С тех пор они стали их передразнивать:

– Людка, а что пишет Булгаков о колхозах? Оксанка, а на каком последнем концерте Пристли ты была?

Так суровые розни жизни взаимно раздражали и разъединяли серьезных одноклассниц и взбалмошных одноклассников.

Трудно было вообразить что-либо более забавное, чем эту амальгаму из как будто бы “ровесников” – тощих дурашливых мальчиков и наливающих и пылающих дев.

*

*

*

Оглавление

Новые глаза	3
Часть I. ЗОИНЫ УДИВЛЕНИЯ	13
1.1. Предвестие судьбы. 1.2. Что такое другая любовь? 1.3. Пятое время года. 1.4. Классная политика. 1.5. Лю- бовный азарт. 1.6. Взросление. 1.7. Тихая Ксения. 1.8. Томление. 1.9. Жора Великолепный. 1.10. Жора Потря- сающий. 1.11. За шармом. 1.12. Падение. 1.13. Светлячки. 1.14. В поиске.	
Часть 2. ДИМИНЫ УДИВЛЕНИЯ	203
2.1. Митя. 2.2. Первые влюблённости. 2.3. Позы. 2.4. Жажда всеобщей любви. 2.5. Алик. 2.6. Когда мама стала маленькой. 2.7. Тревоги и мечты. 2.8. Прощай. 2.9. Здравствуй. 2.10. Прощальное возвращение. 2.11. Сту- дент. 2.12. Тихий ангел. 2.13. Второй хлеб. 2.15. Новые знакомства. 2.16. За наукой. 2.17. Экзамены.	
Часть 3. ЗОЯ И ДМИТРИЙ	415
3.1. Энергия отчаяния. 3.2. Исповедь. 3.3. Бал. 3.4. Свидание. 3.5. Чудак. 3.6. К единому сердцу. 3.7. Как бы. 3.8. Слитие. 3.9. А вокруг. 3.10. Озарение. 3.11. Скромный триумф. 3.12. Свадьба. 3.13. Романтическое путешествие. 3.14. Оборот любви.	
Часть 4. ЗАРЯ ВЕЧЕРНЯЯ. Эпилог	603
4.1. Его сражения и её свершения. 4.2. Неудачник или по- бедитель? 4.3. Неотвращенный провал. 4.4. В разлуке. 4.5. Последняя встреча. 4.6. Ностальгия.	
Оглавление	667